

ПОЭТИКА ВЫЖИВАНИЯ: ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» И СТРАТЕГИИ АБСУРДА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ И С.Д. ДОВЛАТОВА

Бобыкина Екатерина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Марийский государственный университет,
(г. Йошкар-Ола)
katbobykina777@gmail.com

Плотникова Екатерина Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Марийский государственный университет,
(г. Йошкар-Ола)
kati_miracle@mail.ru

THE POETICS OF SURVIVAL: THE IMAGE OF THE "LITTLE PERSON" AND STRATEGIES OF THE ABSURD IN THE SHORT PROSE OF L. PETRUSHEVSKAYA AND S. DOVLATOV

**E. Bobykina
E. Plotnikova**

Summary: The article focuses on a comparative analysis of the short prose of L.S. Petrushevskaya and S.D. Dovlatov, who represent the trend of "other prose" of the 1970s–1990s and rework in a new way the literary type of "the little man". The study addresses **the topical research task** of identifying common and distinctive features of their poetics of survival under the conditions of late-Soviet and émigré unfreedom, as well as describing strategies of the absurd that shape a specific chronotope of everyday life. **The material** of the research comprises stories and novellas by Petrushevskaya ("Immortal Love", "Our Circle", "The Black Coat", etc.) and Dovlatov ("The Suitcase", "The Zone", "Pushkin Hills", "The Foreign Woman"). **The methodology** combines comparative-typological, narratological and chronotopic analysis, along with elements of intertextual and discourse analysis. It is shown that both authors remove explicit authorial commentary, minimize psychological analysis and build the narrative on the basis of the character's speech portrait and a documentary-marked everyday reality; at the same time, in Dovlatov the absurd is normalized and subjected to ironic reflection, whereas in Petrushevskaya it turns into an inescapable existential trap. The article **concludes** that there is a typological kinship between Petrushevskaya's and Dovlatov's poetics of survival and a fundamental difference in the semantics of the absurd and the chronotope of unfreedom.

Keywords: short prose, «other prose», poetics of the absurd, little man, skaz, chronotope, post-realism, narrative, Petrushevskaya, Dovlatov.

Аннотация: В статье проведен сопоставительный анализ малой прозы Л.С. Петрушевской и С.Д. Довлатова, представляющих направление «другой прозы» 1970–1990-х годов и по-новому разрабатывающих тип «маленького человека». В качестве **актуальной исследовательской задачи** рассматривается выявление общих и отличительных черт их поэтики выживания в условиях позднесоветской и эмигрантской несвободы, а также описание стратегий абсурда, формирующих специфический хронотоп повседневности. **Материал исследования** составили рассказы и повести Петрушевской («Бессмертная любовь», «Свой круг», «Чёрное пальто» и др.) и Довлатова («Чемодан», «Зона», «Заповедник», «Иностранка»). **Методы:** сравнительно-типологический, нарратологический и хронотопный анализ, а также элементы интертекстуального и дискурса-анализа. Показано, что оба автора устраняют открытый авторский комментарий, минимизируют психологизм и выстраивают нарратив на основе речевого портрета героя и документально маркированной повседневности; при этом у Довлатова абсурд нормализуется и иронически рефлексирован, а у Петрушевской превращается в безвыходную экзистенциальную ловушку. В качестве **вывода** формулируется положение о типологическом родстве поэтики выживания у Петрушевской и Довлатова и принципиальном различии в семантике абсурда и хронотопе несвободы.

Ключевые слова: малая проза, «другая проза», поэтика абсурда, маленький человек, сказ, хронотоп, постреализм, нарратив, Петрушевская, Довлатов.

Введение

Русская проза последней трети XX века по-прежнему остаётся одним из наименее систематизированных периодов отечественной литературы. Между каноническими вершинами советской классики и явлениями постсоветского десятилетия пролегал обширный простор, в котором возникло и оформилось то, что критика окрестила «другой прозой», или «новой волной». Именно здесь берут начало творческие пути Людмилы Петрушевской и Сергея Довлатова — двух авторов, чьи имена принято упоминать порознь, однако чьё

сопоставление представляется исследовательски весьма продуктивным. Оба писателя с полным основанием могут быть отнесены к постреалистической традиции. Критика 1970–90-х годов колебалась в оценках этих авторов между «чернухой», «другой прозой» и постмодернизмом — терминологическая неустойчивость красноречиво свидетельствует о реальной сложности явления [9, с. 37–38].

Работ, посвящённых каждому из авторов в отдельности, накоплено значительное количество. Сопоставительных же исследований двух авторов в отечествен-

ном литературоведении практически нет: данная статья восполняет эту лакуну, ставя целью выявить типологические сходства и структурные различия поэтики их малой прозы на уровне образной системы, нарративной стратегии и хронотопа.

Актуальность исследуемой проблемы

Актуальность предлагаемого сопоставления определяется несколькими взаимосвязанными факторами: 1) 1970–90-е годы остаются относительно неизученным периодом русской прозы. Тематика этого периода (образ «маленького человека», абсурд повседневности, пространство несвободы) неизменно актуальна в русскоязычном культурном контексте [1, с. 98]; 2) применение инструментов нарратологии и хронотопного анализа (М.М. Бахтин) в сопоставительном режиме к этим двум авторам даёт принципиально новые результаты [12; 14]; 3) гендерное измерение: сопоставление мужского и женского взгляда на одну и ту же среду позволяет прояснить различия в художественных стратегиях. Кроме того, гендерная проблематика и образ «женщины на краю физического и морального выживания» занимает немало важное место в малой прозе Петрушевской [8, с. 280].

Материал и методы исследования

Корпус исследования составляют тексты обоих авторов, в которых малая форма занимает центральное место. Тексты Л.С. Петрушевской: «Бессмертная любовь» (1988), «Свой круг» (1990), «Чёрное пальто», а также избранные рассказы из «Песен восточных славян» и «Настоящих сказок». Тексты С.Д. Довлатова: «Чемодан» (1986), «Зона» (1982), «Заповедник» (1983) и «Иностранка» (1986), рассказы из сборника «Наши».

Исследование опирается на следующий методологический инструментарий: сравнительно-типологический метод (для выявления структурных параллелей и оппозиций в творческих системах обоих авторов); нарратологический метод (В. Шмид, Ж. Женетт) (для анализа типа рассказчика, голоса и точки зрения); хронотопный анализ по концепции М.М. Бахтина (пространство и время как носители художественного смысла); дискурс-анализ (для изучения речевых стратегий, сказа, документальности); интертекстуальный метод (для прослеживания связи с традицией «маленького человека» (Гоголь, Достоевский, Зощенко)).

Результаты исследования и их обсуждение

1. Образ «маленького человека» — один из наиболее устойчивых архетипов русской литературы, история которого восходит к Гоголю и Достоевскому, а в XX веке продолжается у Зощенко. В постреалистической прозе этот образ претерпевает радикальное переосмысление:

если в реалистической парадигме он предстаёт жертвой социальной несправедливости и вызывает к состраданию, то в постмодернистской эстетике «образ маленького человека приобретает черты абсурда, маргинализируется, отражая утрату традиционных ценностей» [1, с. 98]. У Петрушевской и Довлатова эта эволюция достигает своего логического предела: абсурд перестаёт быть отклонением от нормы и становится самой нормой бытия.

Особого внимания заслуживает интертекстуальная линия, связывающая Петрушевскую с Гоголем. Сравнительный анализ «Чёрного пальто» Петрушевской и гоголевской «Шинели» обнаруживает, что оба автора работают с анонимными персонажами и безымянными пространствами, делая страдание коллективным; однако Петрушевская переносит гоголевскую проблематику из сферы бюрократического унижения в область психологического хоррора, замещая внешний абсурд внутренним. Не менее значим интертекстуальный диалог Петрушевской с Достоевским [13]; прямое сопоставление «Глюка» Петрушевской и «Неточки Незвановой» Достоевского выявляет общее психологическое пространство — фиксацию симптомов зависимости и деструктивного поведения задолго до появления соответствующих научных концептов.

Герой Довлатова — рефлексирующий «маленький человек», пытающийся сохранить достоинство и иронию в обстоятельствах советского и эмигрантского абсурда. В «Чемодане» каждый предмет, извлечённый из старого чемодана, разворачивается в историю прожитого времени — история вещи становится историей судьбы [14]. В «Иностранке» и «Наших» собраны портреты русских эмигрантов, разочарованных в Америке как стране свободы. Это позволяет Довлатову строить универсальный экзистенциальный тезис: несвобода — 'nj не советское изобретение, а условие человеческого существования.

2. Принципиально различие между двумя авторами — в природе нарративного голоса; при всём контрасте он выполняет в обоих случаях сходную функцию: создаёт иллюзию непосредственного, «живого» документа реальности. Сказ в прозе Петрушевской — явление особое. Её тексты имитируют устную речь малообразованного городского человека: клише, повторы, синтаксические солецизмы, нарушения норм литературного языка — всё это создаёт эффект полного погружения в среду. Т. Г. Прохорова определяет характерное качество прозы Петрушевской как «сентиментальный натурализм» [10, с. 78]. Этот парадокс, внутренне присущий поэтике Петрушевской, не позволяет однозначно отнести её прозу к какому-либо одному направлению. И.И. Плеханова выявляет в художественной системе Петрушевской ключевые понятия: «ритуал, игру, театральность» как определяющие черты её «артистизма» [3, с. 287].

Нарратологический облик довлатовской прозы — антипод сказу. Сдержанный тон, отказ от описательных пассажей, преобладание диалога, минимум метафор — всё это создаёт псевдодокументальный эффект, ощущение, что перед нами не беллетристика, а мемуар [11, с. 60–61]. По мнению Г.А. Доброзраковой, на формирование этого стиля доминирующее влияние оказала именно русская классическая литература [4, с. 1533]. Вместе с тем связь с прозой 1920-х годов, прежде всего с Зощенко и Бабелем, несомненна: именно проза писателей 1920-х годов была актуализирована в культурной среде 1960–70-х, а Довлатов стал преемником этой традиции, продолжая её в своей поэтике [5, с. 78]. Культура повседневности у Довлатова насыщена узнаваемыми реалиями 1960–80-х годов, которые выполняют роль культурных маркеров и носителей памяти: у Довлатова «вещь — носитель культурной памяти», а детали быта, наполняющие пространство его прозы, служат смысловыми маркерами конкретной эпохи [6, с. 225].

При всём различии нарративных стратегий оба автора избегают развёрнутого психологического анализа в толстовском духе. У Довлатова внутренний мир героя передаётся через поступок и диалог; у Петрушевской — через речевую маску и безоценочную фиксацию действий. Этот «антипсихологизм» — принципиальная черта «другой прозы» 1970–90-х: оба автора не объясняют и не судят, они фиксируют [8, с. 40–41]. Следствием становится парадоксальная «открытость» текстов: читатель принуждён сам производить смысл, сам выносить моральную оценку.

3. Пространственно-временная организация прозы Петрушевской — это мир предельно локализованных, замкнутых пространств: коммунальная квартира, больница, барак, одна комната. Такие пространства не просто фон, они активно формируют судьбу персонажей. Время у Петрушевской тяготеет к настоящему длящемуся — «здесь и сейчас»: прошлое либо не существует, либо является источником травмы. Показательно, что исследователи отмечают многомерность пространства у Петрушевской: переплетение реального и ирреального роднит её одновременно с традицией магического реализма и с русской «страшной сказкой» [7, с. 251]. Анонимность персонажей и мест у Петрушевской «расширяет хронотоп до коллективного», делая страдание не частным, а общим [15, с. 51].

У Довлатова пространство несвободы принимает несколько форм: советский лагерь («Зона»), провинци-

альный заповедник («Заповедник»), нью-йоркская эмигрантская «резервация» («Иностранка», «Наши»). Довлатовский хронотоп можно было бы назвать «вещным»: не место действия, а предмет организует время и пространство повествования. В «Чемодане» каждый предмет — это сжатое пространство-время прожитой жизни, «вещи, уложенные в старый чемодан, увезённый с собой в Америку» — буквальная материализация памяти и прожитого абсурда.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие итоговые наблюдения.

1. в трактовке образа «маленького человека» оба автора радикально переосмысливают классическую традицию, занимая два полюса единой постреалистической стратегии. Довлатов иронизирует абсурд, превращая его в норму и сохраняя за героем достоинство наблюдателя. Петрушевская натурализует абсурд, превращая его в катастрофу без катарсиса. Именно в постмодернистской эстетике «маленький человек» приобретает черты маргинализации и абсурда, отражая утрату традиционных ценностей, что в полной мере применимо к обоим авторам, хотя каждый из них реализует этот принцип по-своему.
2. принципиальный «антипсихологизм» и устранение открытого авторского голоса — общая черта обоих. Различие в инструменте: сказ (Петрушевская) против документального анекдота (Довлатов). Речевой портрет у обоих авторов служит способом передачи абсурдности мира через абсурдность речи; нарративный голос создаёт эффект непосредственного свидетельства, но там, где у Довлатова возникает дистанция иронии, у Петрушевской остаётся неистощимый аффект ужаса.
3. пространство несвободы является центральным художественным образом у обоих авторов. Однако если у Довлатова несвобода — универсальное экзистенциальное условие, поддающееся иронической рефлексии, то у Петрушевской она конкретный бытовой механизм уничтожения личности. Хронотоп «ловушки» у Петрушевской и хронотоп «смены декораций» у Довлатова — это два способа художественно осмыслить одно и то же: невозможность подлинной свободы в советском и постсоветском мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевич Е.В. Семантика и функциональный спектр литературного типа «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. // Сибирский филологический форум. 2024. № 4 (29). С. 90–101.

2. Анисимова А.Н., Ефремова Ю.И. Поэтика повседневности в творчестве С. Довлатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4208–4212.
3. Брюханова Ю.М., Подрезова Н.Н. Номер один, или в садах творческих возможностей Людмилы Петрушевской (рецензия на монографию: Плеханова И.И. Принципы художественной игры Петрушевской. М.: ФЛИНТА, 2019) // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 286–292.
4. Доброзракова Г.А. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы (обзор исследований) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4–6. С. 1533–1541.
5. Зайцева С.А. Особенности рецепции прозы 20-х годов XX столетия в творчестве Сергея Довлатова // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 3 (42). С. 77–88.
6. Кипнес Л.В., Тупицына И.Н. «Культура повседневности» в прозе Сергея Довлатова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4. С. 223–226.
7. Кошелева А.Л., Монгуш Е.Д. Проза Л. Петрушевской: содержательно-эстетический дискурс, типология // МНКО. 2013. № 3 (40). С. 249–252.
8. Монгуш Е.Д. Гендерная проблематика и её художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской // МНКО. 2011. № 6–1. С. 280–283.
9. Монгуш Е.Д. Идеино-эстетическое своеобразие русской постмодернистской прозы 70–90-х гг. XX века: творчество Л.Петрушевской в критике данного периода // МНКО. 2010. № 4 (23). С. 37–45.
10. Прохорова Т.Г. О «сентиментальном натурализме» в прозе Л. Петрушевской // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 6. С. 77–88.
11. Семкин А.Д. «Я снова подивился неожиданному разнообразию её лексики». О речевом портрете у Довлатова // Учёные записки НовГУ. 2021. № 1 (34). С. 56–61.
12. Aripova A.K. Reimagining Fairy Tales in Contemporary Literature: The Innovative Narrative Techniques of Lyudmila Petrushevskaya // Galaxy Journal (GIIRJ). 2023. Vol. 11. Issue 11. P. 569–575.
13. Lekeš P. Experts on the Human Soul: Fyodor Dostoyevsky and Lyudmila Petrushevskaya // Studia Rossica Posnaniensia. 2024. Vol. XLIX/2. P. 43–57. DOI: 10.14746/strp.2024.49.2.3.
14. Nigmatova M. The Image of a Russian Emigrant in the Works of S. D. Dovlatov: Bachelor's Thesis. Prague, Charles University, Faculty of Education, Department of Russian Studies and Linguodidactics, 2018. 65 p.
15. Padmavathy M.A Comparison of "The Black Coat" and "The Overcoat": Signifying the Primal Role of Women Writers in the Russian Short Story Tradition // ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2022. Vol. 3. No. 2SE. P. 47–54.

© Бобыкина Екатерина Николаевна (katbobykina777@gmail.com), Плотникова Екатерина Андреевна (kati_miracle@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»